

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
О-58

Michael Ondaatje

WARLIGHT

Copyright © 2018 by Michael Ondaatje

Перевод с английского
Виктора Гольшева и Олеси Качановой

Художественное оформление
Анастасии Ивановой

Ондатже, Майкл.

О-58 Военный свет / Майкл Ондатже ; [перевод с английского О. Качановой, В. Гольшева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-105842-5

1945. Лондон до сих пор не может оправиться от войны. Родители оставили 14-летнего Натаниела и его старшую сестру Рэчел на попечение загадочному человеку по прозвищу Мотылек. Они подозревают, что он преступник, и все больше в этом убеждаются, узнавая его эксцентричных друзей: мужчин и женщин, которых что-то связывает в прошлом и которые теперь хотят опекать юных героев. Но кто они на самом деле? Почему они хотят заботиться о Натаниеле? И как брат и сестра должны себя вести, когда через несколько месяцев их мать возвращается без отца и ничего не объясняет?

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Гольшев В., перевод на русский язык, 2019
© Качанова О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105842-5

*Эллен Селигмен, Сонни Мета
и Лиз Кэлдер Колдер — через годы.*

Многие великие битвы ведутся в
складках топографических карт.

Часть 1

ПОЛНЫЙ СТОЛ НЕЗНАКОМЦЕВ

В 1945 году родители уехали, бросив нас на попечение каких-то двух преступников. Мы жили в Лондоне, на улице под названием Рувини-Гарденс, и однажды утром то ли мать, то ли отец объявили: после завтрака состоится семейный совет; так мы узнали, что они на год уезжают в Сингапур, а нас оставляют. Срок не слишком большой, сказали они, но и не малый. Разумеется, в их отсутствие о нас будут как следует заботиться. Помню, отец сообщил эту новость, сидя в одном из неудобных железных садовых кресел, а мать в летнем платье, у него за плечом, вглядывалась в наши лица. Потом взяла руку Рэчел, моей сестры, и прижала к талии, словно согревая.

Ни Рэчел, ни я не произнесли ни слова. Лишь смотрели в лицо отцу, который живописал, как они полетят на новом «Авро Тюдоре 1» — создан на базе бомбардировщика «Ланкастер», крейсерская скорость свыше трехсот миль в час. По пути придется минимум дважды приземлиться, пересесть на другой самолет, и тогда только они доберутся до места. Как выяснилось, отец получил повышение и теперь возглавит представительство

во «Юнилевер» в Азии. Что хорошо для всех нас. Он говорил серьезно, а мать вдруг отвернулась и посмотрела на свой августовский сад. Когда отец умолк, она, видя мою растерянность, подошла и рукой, как гребнем, провела по моим волосам.

Мне в то время было четырнадцать, Рэчел — меньше шестнадцати, и нас на время всех каникул оставляли под присмотром, как выразилась мать, опекуна. Отец называл его коллегой. Мы его уже знали — и придумали ему прозвище Мотылек. В нашей семье вообще была страсть к выдуманным именам, а значит, к маскировке. Рэчел даже успела заподозрить Мотылька в криминальных делишках.

Кандидатура казалась странной, но в те послевоенные годы по-прежнему хватало бессмыслицы и кавардака; принято было ничему не удивляться. Нам, детям, оставалось смириться; родительский выбор пал на Мотылька, тихоню, с недавних пор поселившегося у нас на третьем этаже, крупного, но пугливого в движениях, как мотылек. Видимо, они считали, что на него можно положиться. Интересно, они догадывались, что Мотылек — преступник?

Попытка сплотить нашу семью вроде даже предпринималась. Отец порой брал меня в «Юнилевер», пустынный по причине выходных или праздников, и пока он занимался делами, я, как по затерянному миру, бродил по двенадцатому этажу. Дергал ящики столов — все, как один, запертые. Пустые корзины для бумаг, голые, без единой картины, стены, лишь на одной висела

большая рельефная карта с отметками заграничных форпостов компании: Момбаса, Кокосовые острова, Индонезия. А под началом отца находились, кажется, ближние города, цепочкой замыкавшие Средиземноморье: Триест, Гелиополь, Бенгази, Александрия. Именно там набивали трюмы сотни кораблей, ходившие на Восток и обратно. По выходным лампочки на карте не горели, города и порты были погружены во тьму, которая гораздо больше подходила этим далеким кордонам.

В последний момент было решено, что мать останется с нами еще на несколько недель, до конца лета — проследит, чтобы у квартиранта имелось все для нас необходимое, и поможет собраться в школы-пансионы, куда нас переводили. В субботу накануне того дня, когда отец в одиночку улетал в дальние дали, он снова взял меня в учреждение на Керзон-стрит. Следующие несколько дней он просидит закорючкой в самолете, и ему хотелось размять ноги.

Доехав на автобусе до Музея естественной истории, мы прошли пешком через Гайд-парк до самого Мейфэйра. Отец был непривычно оживлен и весел, напевал «Домотканые одежда и сердца / Износились в чужедальной стороне», — с неожиданным задором он все повторял и повторял эти строки, словно выполнял какое-то важное правило. К чему бы это? Я терялся в догадках. Чтобы попасть в здание, где его учреждение занимало весь верхний этаж, требовалось открыть ключами не одну дверь. Я подошел к большой, по-преж-

нему неосвещенной карте и стал по памяти отыскивать города, над которыми отец будет лететь в ближайшие несколько ночей. Уже тогда я обожал карты. Он подошел и включил подсветку; от выпуклых гор на карте пролегли тени, но на этот раз в глаза бросились не лампочки, а голубоватые гавани и громадные просторы неосвещенной суши. Никаких ясно очерченных перспектив больше не существовало, и та же ущербность ощущалась для нас с Рэчел в браке наших родителей. Они крайне редко о себе рассказывали. Так, какие-то обрывки. Отец на финальных этапах весь погрузился в войну, и на нас его уже не хватило.

Относительно их отъезда мы даже не сомневались: ей надо ехать с ним; не могут же родители, думали мы, находиться врозь, она ведь ему жена. А если нам придется жить одним, это не так ужасно, не так пагубно отразится на семье, чем если мать из-за нас останется на Рувини-Гарденс. И, объясняли они, нельзя взять и бросить школы, в которые нас с таким трудом приняли. Перед отъездом мы скомканно обняли отца, Мотылек на те выходные тактично исчез.

Так началась у нас новая жизнь. Тогда мне не слишком в это верилось. Я так до сих пор и не понял, искорежил тот период мою жизнь или придал ей импульс. Шаблоны и узы семейного уклада порушились, поселив во мне сомнения — словно в расплату за то, что я слишком быстро исчерпал свои свободы. Теперь, однако, я повзрослел и готов говорить — говорить о том, как мы росли под

защитой чужих людей. Очищая зерна истины от плевел, буду рассказывать о родителях, о нас с Рэчел, о Мотыльке и о многих других людях, которые появились потом. В историях такого рода, наверное, есть устоявшиеся традиции и приемы. Дан кто-то, кому предстоит пройти испытание. На чьей стороне добро — непонятно. Каждый не тот и не там, чем и где кажется. А один из героев за всем этим исподтишка наблюдает. Помню, матери нравилось, что королевским рыцарям в легендах про Артура дают такие противоречивые задания; рассказывая эти истории, она иногда переносила их действие в конкретную деревушку на Балканах или в Италии — показывала ее на карте и заявляла, что тоже в ней бывала.

С отъездом отца мать стала проводить с нами больше времени. Родительские разговоры, которые мы имели привычку подслушивать, всегда касались взрослых тем. А теперь мать рассказывала нам о себе, о своем детстве в суффолкской глубинке. Особенно нам нравилась история о «семье на крыше». Наши бабушка и дедушка из Суффолка проживали в местности под названием Сентс, где были тишь и покой, только плескалась река да порой из соседней деревни доносился колокольный звон. Но однажды у них на крыше целый месяц жила семья; они разбрасывали вещи и так громко перекрикивались, что звук через потолок проникал в дом. Семья — это бородач и трое его сыновей. Самый младший был тихоня и в основном таскал вверх по приставной лестнице бадьи с водой. Но куда бы мать ни шла — собрать яйца

в курятнике или уехать на машине, — он всегда провожал ее взглядом. Бородач и его сыновья были кровельщиками, перекрывали крышу, трудились дни напролет. На время обеда убрали лестницы и уходили. Но однажды мощный порыв ветра сшиб младшего мальчика, тот потерял равновесие и рухнул с крыши, пробив крону липы и упав на плиты возле кухни. Братья внесли его в дом. У мальчика, его звали Марш, было сломано бедро. Пришел доктор, заковал ногу в гипс и велел не трогаться с места. Так он и лежал в буфетной при кухне, пока на крыше шли работы. Матери — ей тогда было восемь — поручили приносить больному еду. Заодно она приносила книги, но Марш был застенчив и едва осмеливался с ней заговорить. Эти две недели, говорила она, наверное, показались ему целой жизнью. В конце концов, доделав работу, семья забрала мальчика, и они уехали.

Эта история всякий раз казалась мне и Рэчел частью какой-то сказки, которую нам до конца не понять. Мать не переживала и не ужасалась из-за того, что мальчик упал, — обычное дело для не раз обкатанных историй. Мы просили рассказать еще что-нибудь об упавшем мальчике, но она повторяла единственный эпизод: как в тот штормовой день он смачно, влажно шмякнулся на плиты, проделав прореху в липовых веточках и листьях. Один фрагмент из материнной жизни с ее туманными подтасовками.

Мотылек, наш квартирант с третьего этажа, почти все время отсутствовал, хотя иногда ему

случалось поспеть к ужину. От настойчивых приглашений к столу он для начала долго и неубедительно отмахивался. При этом почти ежевечерне отправлялся пешком на Биггз-Роу и покупал там готовую еду. Во время блица многое было разрушено, и разрозненные уличные тележки пока что съехались туда. Мы всегда ощущали прилабочное присутствие Мотылька, его вылазки и возвращения. По его манере поведения не удавалось понять, робкий он или вялый. Потом, конечно, все переменится. Иногда из окна своей спальни я видел, как они с матерью о чем-то тихо беседуют в темном саду, или заставал их за чаем. Перед началом занятий в школе мать довольно долго уговаривала его подтянуть меня по математике; этот предмет мне не давался, я отставал по нему и после того, как Мотылек бросил попытки меня натаскать. В те первые дни наш опекун впечатлил меня лишь тем, как мастерски начертил трехмерные изображения, призванные помочь мне погрузиться в глубины геометрических теорем.

Если речь заходила о войне, мы с сестрой пытались вытянуть из него, где он был и что делал. Наступала пора воспоминаний, подлинных и фальшивых, и нам с Рэчел было любопытно. Между собой Мотылек и мать упоминали каких-то людей, общих знакомых с тех времен. Мать явно знала Мотылька до того, как он у нас поселился, но его участие в войне оказалось неожиданно: слишком уж он был какой-то «не военный». О его присутствии в доме мы узнавали по звукам тихой фортепьянной музыки из радиоприемника,

а работал он кем-то вроде администратора — вел в числе прочего бухгалтерию, начислял зарплату. Все же после нескольких штурмов удалось вывести, что они оба были пожарными наблюдателями в так называемом Гнезде на крыше отеля «Гровенор-Хаус». Мы, в пижамах, потягивали «Горликс» и слушали, как они предаются воспоминаниям. Истории всплывали одна за другой — и уходили в небытие. Однажды вечером, незадолго до предстоявшего отъезда в школы, мать в углу гостиной гладила нам рубашки, а Мотылек стоял у подножия лестницы, готовый уйти, почти уже не с нами. Однако не ушел, а пустился в рассказы о том, как мать мастерски вела машину в ночи, доставляя пассажиров сквозь тьму и комендантский час в какое-то Беркширское подразделение, и провалиться в сон ей не давали лишь несколько долек шоколада да холодный ветер из открытого окна. Мать так внимательно слушала все, что он говорил, так погрузилась в эту туманную историю, что забыла про уют в руке — тот повис в воздухе и в итоге прожег воротник.

Надо было мне уже тогда догадаться.

Они намеренно избегали в рассказах привязки ко времени. Однажды мы узнали, что мать в наушниках перехватывала немецкие шифровки на секретных радиочастотах и пересылала сведения через Ла-Манш из местечка в Бедфоршире под названием Чиксэндский монастырь, после чего снова вернулась в Гнездо на крыше отеля «Гровенор-Хаус», — мы с Рэчел стали все сильнее подозревать, что там базировались отнюдь не «пожар-

ные наблюдатели». Оказалось, мать умеет многое такое, о чем мы даже не догадывались. Неужели мать своими красивыми белыми руками с тонкими пальцами стреляла в людей — чтобы убить? Я обратил внимание, как спортивно и грациозно она взбегает по лестнице. Раньше мы за ней такого не замечали. За месяц, что прошел с отъезда отца до начала школьного семестра, когда она тоже уехала, мы узнали ее с более удивительной и отчасти более душевной стороны. А тот недолгий миг, когда она, слушая воспоминания Мотылька об их прошлом, застыла с горячим утыгом на весу, оставил неизгладимое впечатление.

В отсутствие отца в доме стало вольготнее и просторнее, и мы старались проводить с матерью все возможное время. Слушали по радио триллеры — при включенном свете, чтобы видеть выражения лиц друг друга. Матери было явно скучно, но мы упрасивали ее не уходить, пока у нас надрывались сирены, по-волчьи завывали ветра на болотах, раздавались крадущиеся шаги злоумышленника, звон разбитого окна; в разгар этих драматических моментов у меня в памяти всплывала услышанная урывками история, как мать в полной темноте вела машину к побережью. Если уж говорить о радиопрограммах, то гораздо больше матери нравилось лежать по субботам после обеда в шезлонге и, позабыв о читаемой книге, слушать по Би-би-си «Час натуралиста». Это напоминает ей о Суффолке, говорила она. И мы вполуха слушали ведущего, который пускался в бесконечные рассказы о речных насекомых или